

«Я не собираюсь сразу же брать тебя в ученики», — твердо заявил Ловеллиан.

Эвард пытался подавить бабочек в своем животе, когда повернулся, чтобы посмотреть на Архимага. Его сверкающие глаза были полны тоски и предвкушения своего будущего в Ароте. Однако Ловеллиан был не в том положении, чтобы безоговорочно исполнять желания этого юноши.

«Красная Башня Магии, магистром которой я являюсь, специализируется на магии призыва среди всех различных видов магии. Поэтому сначала ты должен отправиться в Арот и пройти систематический тест на пригодность, чтобы узнать, соответствуешь ли ты нашей специализации.»

«Но что если... у меня действительно есть способности к магии вызова?» — с надеждой спросил Эвард.

«Если это так, то это радостное открытие, но одни лишь способности не дадут тебе права быть моим учеником.»

Этим Ловеллиан четко обозначил границы того, на что он готов пойти. Эвард на мгновение выглядел разочарованным, но быстро изменил выражение лица, внимательно наблюдая за Гилеадом и Танис, которые сидели рядом с Архимагом.

Эвард собирался покинуть эту удушающую семью. Одного этого было бы достаточно, чтобы сделать этот момент праздничным. Даже если он не сможет сразу стать учеником Ловеллиана, сам факт того, что он может оставить свою семью и сбежать в другую страну, заставлял кончики пальцев Эварда дрожать от волнения.

«Это потому, что есть много волшебников, желающих стать моими учениками», — продолжал говорить Ловеллиан. — «В Ароте твоя принадлежность к наследникам клана Лайонхарт не даст тебе никакой свободы действий. Если у тебя не будет достаточно таланта, чтобы заглушить все протесты других волшебников, я не смогу взять тебя в ученики.»

«...Я понимаю», — сказал Эвард гораздо более приглушенным тоном.

Теперь, когда он передал свое предупреждение, Архимаг начал утешать Эварда: «...Хотя Арот не проявит особого отношения к тем, кто носит имя Лайонхарт, я был старым другом Гилеада, прежде чем стать главным волшебником Красной Башни. Благодаря своим ресурсам я смогу предоставить тебе множество возможностей, а также защитить от голосов, заявляющих о несправедливой дискриминации. Это все для того, чтобы обеспечить тебе наилучшие условия для обучения магии, соответствующей твоим способностям.»

Все эти обещания заставили сердце Эварда учащенно биться от волнения. Однако он не поспешил принять предложение и не разразился восторженным смехом, как бы ему этого ни хотелось. Вместо этого он повернулся и робко посмотрел на Танис и Гилеада.

«...Это то, что ты должен решить сам», — первым заговорил Гилеад. — «Нет нужды беспокоиться обо мне. Если ты хочешь идти, то иди.»

«...Отец...», — пробормотал Эвард.

«Эвард», — вдруг воскликнула молчавшая до этого Танис, глядя на сына, — «это возможность, которую твой отец упорно старался тебе предоставить. Прими ее с благодарностью.»

«...» — Эвард был вынужден замолчать.

Заметив неловкость сына, Гилеад взял себя в руки: «Какая у тебя причина колебаться? В конце концов, с самого раннего возраста ты всегда проявлял больший интерес к магии, чем к мечам или копьям.»

Эвард все еще выглядел неуверенным, но не мог придумать, что сказать.

«Ради тебя я попросил нескольких величайших волшебников столицы приехать и поучить тебя, но, к сожалению, ни один из них не подошел на роль твоего наставника», — разочарованно вздохнул Гилеад.

В этих словах была некоторая ирония. Волшебники, приглашенные из столицы, чтобы обучить Эварда магии, были известными чародеями, которые могли бы занять значительные посты в своих башнях, если бы решили остаться в Ароте.

Никто из них не стал учителем Эварда, потому что он сам не смог полностью посвятить себя изучению магии. Эта удушающая семья подавляла и страсть юноши, и его волю.

«Эвард», — сказала Танис, сузив глаза.

Эвард боялся встретить взгляд матери. Он боялся матери, которая всегда стояла рядом и следила за каждым его действием гораздо больше, чем за действиями отца, патриарха их дома.

Танис начала одну из своих часто повторяемых лекций: «Ты не должен забывать. Ты — первый наследник клана Лайонхарт. Как моему сыну, тебе суждено стать патриархом главной семьи.»

Эвард ненавидел звучание этих слов. Они наполняли его страхом и тяжким грузом ложились на его плечи каждый раз, когда он был вынужден их выслушивать. Не в силах ничего сказать в ответ, Эвард опустил взгляд в пол.

«Ты не должен забывать об этом факте даже в Ароте», — твердо заключила Танис.

«...Танис», — укорил Гилеад свою жену.

Женщина защищалась: «Как его мать, я лишь пытаюсь подбодрить своего сына.»

Гилеад просто пытался уговорить ее смягчиться, но Танис окинула мужа холодным взглядом. Она вообще не была полностью согласна с планами мужа. Ей была ненавистна мысль о том, что такой чужак, как Юджин, войдет в главную семью. Усыновление? Какая нелепость! Разве не достаточно того, что Гилеад даже взял вторую жену и в итоге у него родились близнецы?

Она также не хотела отправлять Эварда в Арот. Если старший сын, Эвард, будет отправлен в Арот, очевидно, что эта проклятая Ансилла сойдет с ума от радости.

Однако у Танис не было иного выбора, кроме как отправить Эварда в Арот. Хотя ее ненавистный ребенок родился как старший наследник главной семьи, он не унаследовал качеств, необходимых для того, чтобы казаться подходящим для такого положения. Хуже того, он обладал слабой и наивной натурой. Как бы Танис ни хотела удержать сына рядом с собой, тем самым она не смогла бы увидеть даже малейших улучшений в способностях Эварда.

«...Эвард», — продолжила Танис более мягким тоном, взяв Эварда за руку.

Она просто смотрела на лицо сына, ожидая его ответа, и больше ничего не говорила. Эвард

медленно заставил себя поднять взгляд и встретиться с глазами Танис.

В тот вечер Танис долго разговаривал с Эвардом в его комнате.

На следующий день Эвард отправлялся с Ловеллианом в Арот. Танис надеялась, что её сын сможет стать учеником Архимага. Но если он не сможет этого сделать, то она, по крайней мере, надеялась, что он сможет увеличить свои шансы стать преемником отца, общаясь с другими волшебниками в Ароте.

Она надеялась, что, сойдясь с этими волшебниками, он сможет создать отношения, которые впоследствии принесут ему пользу, тем самым заручившись поддержкой в своем стремлении стать Патриархом; это была возможность, которой он не смог бы воспользоваться, оставаясь в главном поместье.

«Ты — наследник клана Лайонхарт», — Танис повторял эту фразу несколько раз в течение ночи.

«Д-да, мама», — не в силах поднять глаза от пола, Эвард каждый раз повторял один и тот же ответ.

На следующий день после банкета многие уезжали из главного поместья. Ловеллиан отправлялся в Арот вместе с Эвардом, а Гаргит и Дезра возвращались в свои дома вместе с родителями.

Ушли даже те, чьи имена были недостаточно важны, чтобы их запоминать, так что пристройка должна была быть почти пустой, но слуги в пристройке все еще кипели активной деятельностью с раннего утра.

Это было связано с тем, что отныне флигель будет использоваться только Юджином и Герхардом. Гилеад предлагал им жить вместе с ним в особняке главной семьи, но Юджин отклонил это предложение. Это было сделано ради его отца, Герхарда. Если бы он остался в главном особняке поместья без веской на то причины, у отца, вероятно, не было бы другого выбора, кроме как продолжать ходить на цыпочках вокруг членов главной семьи. Поэтому вместо того, чтобы терпеть этот дискомфорт, им обоим было бы проще жить отдельно во флигеле.

«Надеюсь, что с этого момента мы будем хорошо ладить», — с улыбкой сказал Юджин.

Нина кивнула головой в ответ. Ее обязанности слуги не были приостановлены после окончания Церемонии Продолжения Родословной. По просьбе Юджина, Нина будет продолжать служить в качестве его личного помощника.

Нина знала, что это знак уважения Юджина.

«Есть ли что-нибудь, что ты хотел бы, чтобы я привез из Гидола?» — спросил Герхард, собираясь уходить.

«Мне ничего не нужно, отец, поэтому тебе лучше сосредоточиться на том, чтобы собрать свои вещи», — ответил Юджин.

Несмотря на то, что в данный момент его мучила головная боль, как часть похмелья, Герхард

не мог позволить себе отдохнуть до выздоровления. Потому что ему нужно было немедленно отправиться в Гидол с несколькими садовниками главной семьи. Поскольку отныне он будет жить в пристройке вместе с сыном, ему нужно было договориться о закрытии своего особняка в Гидоле.

В Гидоле его ждали все рыцари, которые так долго служили Герхарду, а также все слуги и смотрители. Хотя он не мог вернуться в главное поместье вместе со всеми, избранные сопровождали Герхарда в обратный путь. Тем временем несколько человек останутся позади, и на них будет возложена необходимая обязанность по содержанию теперь уже бесхозного поместья. Если бы им хорошо платили, многие из слуг были бы готовы остаться в своем старом поместье.

«Поскольку вещи в пристройке намного лучше, чем в нашем особняке, не стоит бессмысленно паковать вещи, которые нам не понадобятся», — посоветовал Юджин своему отцу.

«Я все еще не привык к этому... Мы действительно... будем жить здесь с этого момента...?» — нерешительно спросил Герхард.

Герхард с недоверием усмехнулся, повернувшись, чтобы осмотреть пристройку. Хотя он много раз пытался приспособиться к ситуации, реальность все равно иногда казалась ему сном.

...Но это определенно реальность, — напомнил он себе.

Герхард почувствовал, как его сердце раздувается от гордости, когда он посмотрел на улыбающееся лицо своего сына. Еще раз обняв его, он сел в карету, приготовленную садовниками.

«Ступай смело и не забудь похвастаться нашей удачей», — с улыбкой сказал Юджин, провожая Герхарда.

Так прошло утро первого дня в его новой жизни в качестве усыновителя. Обычно в этот момент он бы начал тренировки, но Юджин просто бесцельно слонялся по тренировочному залу.

Сегодняшний день был важным для него во многих отношениях. Это был не только первый день в его жизни в качестве усыновленного члена главной семьи, но и день, когда он будет инициировать свою ману впервые после своего перерождения.

Все писания по обучению мане начинались с обучения тому, как почувствовать ману. Хотя мана была повсюду в мире, вы не смогли бы найти ее невооруженным глазом, как бы сильно вы ни искали. Только после совершенствования себя и своих органов чувств в соответствии со священным писанием по обучению мане можно было начать чувствовать ману.

Такие "усовершенствования" в целом можно разделить на две категории. Дыхательные техники и физические техники.

Дыхательные техники накапливали ману, растворенную в атмосфере, вдыхая ее. Физические техники накапливали ману через движение тела. Ни одна из этих техник не была легкой для изучения, но если бы Юджину пришлось выбирать, он бы сказал, что дыхательные техники превосходят физические. Когда техника дыхания полностью усваивалась, пользователь мог поглощать ману при каждом движении, но физическим техникам было крайне сложно сделать то же самое.

В своей предыдущей жизни Хамел тренировал свою ману в соответствии с физической

техникой. Позже, по совету Сиенны и Вермута, он преобразовал свою физическую технику в технику дыхания.

Писание Лайонхарт для тренировки маны — это техника Дыхания, — вспомнил Юджин.

Хотя это может показаться очевидным, тренировка маны не может быть выполнена только за счет обычного дыхания. Дыхательные техники, используемые для тренировки маны, также требовали определенного мастерства, схожего с магическим заклинанием.

«Ты рано пришел», — окликнул Юджина голос.

Это был Гион Лайонхарт. Он подошел к юноше, ведя за собой двух лошадей. Не выказывая удивления, Юджин склонил голову перед Гионом в знак приветствия.

Накануне вечером, после окончания банкета, Юджин получил повестку от Гилеада. Теперь, когда Церемония Продолжения Родословной закончилась, и он даже был принят в главную семью, Юджину пора было всерьез приступить к тренировке маны. Для этого Гилеад решил предоставить подробное объяснение того, как будет проходить обучение Юджина.

Его тренировки будут проходить на вершине места, где концентрировалась мана.

Глубоко в лесу главного поместья находилось место силы, которое разрешалось посещать только членам главной семьи. Место силы было не естественного происхождения — его сформировал сам Великий Вермут триста лет назад.

Только детям главной семьи обычно разрешалось использовать силу этого места. Хотя частично причиной того, что Сиан уже смог проявить световой клинок, был его собственный выдающийся талант, но помощь места силы, несомненно, сыграла огромную роль в его успехе.

Он действительно создал искусственное место силы. Вермут действительно был монстром, — даже с опытом предыдущей жизни Юджина, ему все еще было трудно понять это.

Значит, Вермут каким-то образом насильно закрутил поток маны глубоко в земле, чтобы создать это искусственное место концентрации магической силы? И оно даже смогло продержаться более трехсот лет?

«Сумасшедший ублюдок», — тихо выругался Юджин.

Если речь шла о Вермуте, то это было вполне возможно. Однако... вместо восхищения престижными достижениями Вермута, Юджин не мог отделаться от искаженного чувства незнания. Что, черт возьми, произошло с мозгом Вермута в его последние годы жизни, что он даже подумал о том, чтобы обеспечить будущую славу своих потомков, создав такое?

Взять более десяти жен, родить десятки детей, разделить их на прямую и побочную ветви, проповедуя важность легитимности, и даже создать Церемонию Продолжения Родословной... Между Вермутом, которого помнил Юджин, и основателем клана Лайонхарт было слишком много различий.

«Ты нервничаешь?» — неожиданно спросил Гион, вырывая Юджина из его мыслей.

«Я в восторге», — ответил он с улыбкой.

Он отбросил все свои сомнения и неприятные чувства в отношении Вермута. В любом случае,

Юджин был принят в основную семью, а затем ему позволили войти в место силы благодаря доброте Гилеада. Гион также собирался лично помочь ему с инициацией маны, поэтому он не должен был позволять своему мнению о Вермуте влиять на мнение о главной семье, особенно когда они ехали в место силы.

«Это будет нелегко», — предупредил Гион. — «Потому что мана — это... нечто, что всегда рядом с тобой, но все еще трудно почувствовать ее в первый раз. Хотя я буду помогать тебе, как человеку, который только начал иницировать свою ману, тебе придется сначала пройти через множество трудностей.»

«Это так трудно?» — спросил Юджин.

«Мм. Чем ты моложе, тем легче ее почувствовать. Когда ты становишься старше... твоя чувствительность к мане притупляется. Это происходит потому, что твое тело привыкает к тому, что ты не можешь чувствовать ману», — продолжал объяснять Гион.

Об этом Юджин тоже знал. Как и любое чувство, которое не использовалось регулярно, притуплялось, так и чувствительность к мане страдала от того же эффекта.

«Сиан и Сизель впервые иницировали свою ману, когда им было по шесть лет. Что касается Эварда... его мать была слишком нетерпелива, поэтому он начал иницировать свою ману, когда ему было всего пять лет», — сказав это, Гион повернулся и посмотрел на Юджина с горькой улыбкой. — «Хотя они иницировали свою ману в столь юном возрасте, им все равно потребовалось около трех дней, чтобы почувствовать ману. Эварду... ммм... разве ему не понадобилась неделя?»

«Значит ли это, что ему понадобилось большое количество времени?» — спросил Юджин.

«Нет, на самом деле это очень быстро. Побочные потомки обычно начинают использовать ману, когда им примерно столько же лет, сколько тебе, но говорят, что им требуется около месяца, чтобы "почувствовать" небольшое количество маны. Затем, после медленного впитывания этих следов маны в их тело, им требуется еще несколько месяцев, пока они не смогут развить полное осознание маны», — Гион проявил некоторое сочувствие, объясняя все это.

Юджин медленно кивнул.

Взглянув на юношу, Гион быстро добавил: «Ах, но... это не займет у тебя так много времени. Потому что у нас здесь есть место силы, которое дает тебе быстрый и простой способ почувствовать ману. Кроме того, я тоже буду тебе помогать.»

«Как вы думаете, сколько дней мне понадобится?» — поинтересовался Юджин.

«Хм... Может быть, десять дней...?» — сказал Гион с полуулыбкой.

Гион лгал. По его мнению, десять дней — это очень быстро. Хотя тринадцать лет — не слишком поздний возраст для инициации маны, но и не слишком ранний.

И даже с местом силы мы не можем гарантировать, что он сможет почувствовать ману..., — подумал он, но оставил свои сомнения при себе.

В конце концов, разве не для этого Гион был здесь, чтобы обеспечить успех Юджина? Поэтому, пока что, ему нужно держаться на его стороне.

«Прежде всего... важно, чтобы ты мог чувствовать ману. Хотя мана в месте силы уже будет очень плотной, в дополнение к этому я буду напрямую вливать больше маны в твое тело», — изложил план Гион.

«Это позволит мне легче почувствовать её?» — спросил Юджин.

«Именно так», — подтвердил Гион.

То, что такой мастер, как Гион, лично помогал вам при посвящении в ману, было огромной привилегией.

Они действительно хорошо обо мне заботятся, — заметил Юджин.

Он сначала ожидал, что они просто дадут ему несколько магических камней, но вместо этого они позволили ему войти на их тренировочную площадку на вершине места силы и даже приставили к нему эксперта для обучения.

«Десять дней, ха... Если это так, то я проведу все десять дней в месте силы вместе с вами, сэр Гион?» — Юджин уточнил некоторые сведения.

«Хотя место силы может находиться посреди леса, там есть все, что нам понадобится. Хотя оно небольшое, там есть даже дом..... Все предметы первой необходимости и еду нам также будут поставлять слуги», — подробно ответил на его вопрос Гион.

«Ого, похоже, это будет весело», — сказал Юджин, по-детски улыбаясь.

Как будто это займет у меня десять дней, — насмехался Юджин за своей невинной улыбкой. — Это не займет и десяти минут.

Юджин удержался от впитывания маны в свое тело только благодаря тому, что избегал любых тренировок с маной. Он не пренебрегал и не притуплял свою способность чувствовать ману.

Хотя... чувствовать ману и принимать ее в тело — две разные вещи, — признал Юджин.

Он чувствовал некоторое предвкушение. Будет ли это новое тело также хорошо поглощать ману?

Вдали от особняка в лесу стояла уединенная хижина. Несмотря на то, что Вермут создал место силы триста лет назад, хижина была в хорошем состоянии, как будто с тех пор за ней ухаживали.

Гион приказал: «Останься здесь на несколько минут. Потребуется некоторое время, чтобы снять защиту. К сожалению, пока ты ждешь, тебе будет не на что посмотреть.»

«Так точно, сэр», — послушно ответил Юджин.

Сначала Гион спустился с лошади. Затем он достал из жилета связку ключей и начал отпирать один за другим все замки хижины. Эти железные замки тоже не были обыкновенными. Без разрешения патриарха было бы невозможно отпереть замки и открыть дверь, даже имея нужные ключи.

В это время Юджин тоже слез с лошади и повернулся, чтобы осмотреть окрестности. Хотя он тоже отправился в лес всего два дня назад, они не забирались так глубоко.

Юджин оглядел все густые деревья. Он мог видеть различных мелких животных и насекомых, но никаких монстров не было. Весь этот гигантский лес находился под строгим надзором как часть главного поместья.

Хотя, если просто посмотреть на эту природную атмосферу, то даже кажется, что здесь может появиться эльф, — заметил Юджин.

Триста лет назад короли-демоны Хельмута начали свирепствовать, и больше всего от этого пострадали не люди, а эльфы и драконы. Каждый раз, когда зловещая сила Хельмута усиливалась, погибало все больше эльфов, а драконы, пытавшиеся противостоять королям-демонам, гибли толпами.

...Даже сейчас, когда из пяти Королей Демонов осталось только два, обе расы еще не полностью оправились от своих прошлых бедствий.

«Хорошо, давай зайдем», — обратился Гион к Юджину.

Погруженный в смесь сложных эмоций, Юноша взял паузу, чтобы успокоиться, прежде чем повернуться.

«Тут все выглядит безупречно», — заметил Юджин, осматривая внутреннюю часть хижины.

«На неё наложили всевозможные магические чары», — ответил Гион на подразумеваемый вопрос, ведя Юджина внутрь.

Они направились прямо к лестнице, ведущей в подвал.

«Ничего, если мы начнем прямо сейчас?» — взволнованно спросил Юджин.

«...Хм?» — Гион удивленно хмыкнул, повернувшись, чтобы посмотреть на Юджина.

Затем, на мгновение моргнув глазами, он изобразил кривую улыбку и кивнул головой.

«Если ты этого хочешь», — согласился Мужчина.

Хорошо, что Юджин был амбициозен. Однако Гион не мог не испытывать некоторого беспокойства.

Этот мальчик, Юджин Лайонхарт, был действительно особенным. Даже Гион признал этот факт. Хотя он лично не видел Юджина в поединке с Сианом или во время Церемонии Продолжения Родословной, но он мог ясно почувствовать правду из того, что слышал о Юджине. Кроме того, привычные движения его тела были настолько легкими и проворными, что трудно было поверить, что они принадлежат ребенку, который даже не тренировал свою ману.

...Хотя умение хорошо двигать телом еще не означает, что он будет столь же искусен в манипулировании маной, — размышлял Гион.

Мужчина был хорошо осведомлен об этом факте. Он также был человеком, который с юных лет слышал бесчисленные похвалы, называющие его гением. Однако, несмотря на то, что его талант к боевым искусствам был потрясающим, ему потребовалось очень много времени, чтобы освоиться со своей маной.

Надеюсь, он не будет разочарован после бесплодных ожиданий..., — тихо переживал Гион.

Чем больше вы осознавали свой талант и чем большую гордость испытывали от этого, тем сильнее были боль и разочарование, вызванные вашими постоянными неудачами.

Я определенно гений, так почему я не могу просто сделать это?

В детстве Гиону потребовалось немало времени, чтобы преодолеть разочарование от своих неудач. В конце концов, ему удалось преодолеть стену, преграждавшую его путь, но первая инициация маны и освоение ее использования все еще были чрезвычайно трудными.

...В данный момент он особенно подвержен такому риску, поскольку все еще полон уверенности в себе, — внутренне вздохнул Гион.

Достижения Юджина были беспрецедентными в истории клана Лайонхарт. Впервые ребенок из побочной ветви победил детей из прямой линии и выиграл Церемонию Продолжения Родословной. Также впервые ребенок был принят в главную семью. Как будто этого было недостаточно, он даже забрал Виннид из семейного хранилища сокровищ, после чего ему разрешили войти в место силы.

Если даже взрослые могут быть шокированы таким списком достижений, то как горд и полон себя должен быть Юджин, будучи тринадцатилетним ребенком, сумевшим добиться всего этого.

Каждый раз, когда эта мысль проносилась в его голове, выражение лица Гиона смягчалось от беспокойства. Хотя он знал, что его беспокойство было преждевременным, Гион не мог не опасаться, что Юджин впадет в уныние, столкнувшись с трудностями реальности.

Если бы Юджин мог читать мысли Гиона, он бы расхохотался вдвое сильнее. Разочарование от того, что он не гений? Он уже пережил нечто подобное триста лет назад.

Стоя рядом с Великим Вермутом, он снова и снова убеждался в том, что такое "гений". По сравнению с Вермутом, в этом мире не было ни одного человека, который мог бы быть настолько высокомерным, чтобы называть себя гением. Только Вермут был достоин этого звания, и слово "гений", казалось, существовало только для таких, как Вермут.

Будучи Хамелом, Юджин полностью смирился с этими фактами.

Глупый Хамел, — когда он впервые увидел это имя, написанное в детской книжке, Юджин почувствовал, что хочет разорвать на куски конкретного безымянного автора. Однако, поразмыслив, он понял, что имя было не таким уж и неточным.

В конце концов, Хамел был довольно глуп, в отличие от Сиенны, Анис и Молона, которые никогда не считали Вермута своим соперником. Для них Вермут был просто другом и товарищем, с которым они вместе рисковали жизнью и смертью.

Хотя Хамел тоже так считал, он был единственным, кто хотел превзойти Вермута. Поэтому он был единственным, кто продолжал спорить с решениями Вермута.

«Сядь вон там, в центре», — хотя подвал был совершенно пуст, Гион указал на центр комнаты, когда говорил это. — «Для первого шага просто постарайся очистить свой разум, пока ты дышишь. Поскольку для начала тебе нужно будет почувствовать ману в окружающем тебя пространстве.»

«Да, сэр», — повиновался Юджин.

Мана всегда присутствовала, но ее трудно было почувствовать. И если вы хотели накапливать ману в своем теле, то сначала нужно было уметь ее чувствовать. Только после этого можно было приступать к полноценной "тренировке".

«Писание для тренировки маны, передаваемое по прямой линии, было унаследовано от нашего предка, Великого Вермута», — начал свой урок Гион.

«О», — вздрогнул Юджин. Он ждал этих слов.

«Хотя вначале оно могло быть таким же, как и то, что использовали побочные ветви, сейчас оно стало совершенно другим. В конце концов, прошло столько времени, и... побочным ветвям не разрешается передавать оригинальное писание», — продолжил Гион.

Великий Вермут провел четкую границу между основной семьей и ее побочными ветвями. Все побочные ветви имели те же корни, что и основная семья. Даже предок Юджина когда-то в далеком прошлом был членом прямой линии и был изгнан из основной семьи, когда не смог стать патриархом. После такого изгнания на всех предков побочных ветвей наложилось неизбежное ограничение.

Из-за этого ограничения они не могли передать своим потомкам священное писание по обучению мане, которое они узнали от главной семьи. Единственное, что можно было передать потомкам побочных ветвей, — это плохую имитацию оригинального писания главной семьи. Это поддельное писание также было сделано Вермутом, но, конечно, оно было гораздо менее эффективным, чем оригинал.

«Формула Белого Пламени», — произнес Гион название их писания, пробуждая ману в своем теле.

Мана, испускающая чистый белый свет, мгновенно окружила тело Гиона, казалось, будто пламя только что охватило его целиком.

Юджин не знал, что название писания — Формула Белого Пламени, но он ясно помнил уникальный вид маны, генерируемой этим писанием.

Высококачественная мана, которую использовал Вермут, всегда выражалась в форме чистого белого пламени, как у Гиона. Всякий раз, когда Вермут бросался вперед с этой белой огненной маной, окутывающей его тело, искры, слетавшие с него, были похожи на львиную гриву.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/51117/2344618>